

20 июля 1985 г.

НОВЫЕ ИМЕНА

В добрый час!

Доцент Щукинского училища Альберт Григорьевич Буров как-то сказал мне, что бывший студент Михаил Зонненштраль все четыре года оставался неформальным лидером курса. И тут же пояснил. По количеству и качеству самостоятельных работ, в том числе и режиссерских, у него не было конкурентов. Дело даже не в том, что на экзаменах по всем предметам он всегда получал только отличные отметки. Важнее другое: он действительно много знает. Если к этому добавить удивительную самодисциплину, обязательность во всем, подлинную интеллигентность, внутреннее благородство и поразительную скромность, то нетрудно понять, почему товарищи и педагоги относились к нему с уважением.

Из семи дипломных работ М. Зонненштраль был занят... шести. Случай небывалый. В свое время я видел все эти спектакли и готов подтвердить, что за исключением Крэбтри в «Школе злословия» все другие роли стали его настоящими удачами. Как сейчас помню вкрадчивого и в то же время наглого сластолюбца Чернова в «Вечно живых» В. Розова, трагикомическую фигуру с застывшим от ужаса взглядом Монахова в горьковских «Варварах», закомпликованного интеллигента Вадима Коняева в «Восточной трибуне» А. Галина, одного из безымянных героев в поэтической композиции Я. Смоленского «Надеюсь, верую...» по произведению В. Маяковского... Наконец пациента психиатрической клиники Ганса Кифера в «Человеке со звездами» прогрессивного драматурга из ФРГ К. Виттингера. Этот спектакль — самостоятельная студенческая работа — был включен в число дипломных. И хотя в программе М. Зонненштраль не значился как режиссер, фактически его поставил он.

Герой М. Зонненштраля Ганс Кифер сочинил пьесу, в основу которой легли факты из его собственной жизни. Предать ближнего, физически расправиться с неугодным, завладеть чужим имуществом, правами, работой — все это вполне нормально в ненормальном «здоровом» обществе, где живет Кифер. Молодым исполнителям, таким образом, нужно было проявить не только сугубо профессиональные актерские навыки, но нечто большее — гражданскую зрелость. Дело даже не в том, какие образы удалась им больше, какие меньше. Они явили собой поразительный ансамбль, в котором общими оказались не столько средства художественной выразительности, но понимание смысла жизни, назначения человека в ней.

Валентин Николаевич Плутчик, увидев молодого актера, пригласил его в труппу Театра сатиры и в течение одного сезона поручил ему три роли: английского полисмена в «Крамнзегеле» П. Устинова,

Труффальдино в «Вороне» К. Гоцци и Второго друга в «Родненьких моих» А. Смирнова. О таком стремительном старте можно только мечтать.

Ваханговские гены особенно дают о себе знать в роли Труффальдино. И не только потому, что «Принцессу Турандот» и «Ворона» сочинил один и тот же автор, хотя, конечно, это тоже имеет значение. М. Зонненштраль напомнил в Труффальдино молодого Юрия Яковлева в Панталоне. Та же способность к остроте, нарочито преувеличенная серьезность, переходящая в иронию, едва заметный гротеск, сдобренный мягкой внутренней улыбкой. И при этом абсолютная оправданность любой интонации, каждого жеста.

В «Родненьких моих» М. Зонненштраль играет Второго друга, человека доброго, услужливого, но опустившегося. Однако и у него есть свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Он знает больше, чем говорит. Постоянно чем-то смущен. Умеет делать вид, что не замечает, как его хотят обидеть. Но над всеми этими его свойствами превалирует какая-то тоска, вроде бы сейчас он скажет: «Скучно житье, родненькие мои! Опомнитесь, пока не поздно, люди!!!»

Трудно, конечно, что-то прогнозировать, но совершенно очевидно, что М. Зонненштраль — актер без ампулы. Вижу его в Артуру Уи, в Сирано, Гамлете, Мышкине, Дон Кихоте, Хлестакове, во многих ролях из пьес Островского, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького, Маяковского... Но все это дело будущего, а пока закончу свое представление традиционным пожеланием: в добрый час!

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

● М. Зонненштраль в спектакле «Родненькие мои».

Фото А. Иваншина.